А. А. ТУЧКОВЪ

и

ЕГО ДНЕВНИКЪ 1818-го ГОДА [1])

Объ Алексѣѣ Алексѣевичѣ Тучковѣ въ нашей исторической литературѣ сохранилось мало свѣдѣній; но и того, что̀ извѣстно, достаточно, чтобы признать его однимъ изъ лучшихъ русскихъ людей этого вѣка. Потомокъ знатнаго и богатаго рода, старшій братъ позднѣйшаго московскаго генералъ-губернатора П. А. Тучкова, онъ родился около 1800 года и получилъ превосходное образованіе, сначала дома, подъ руководствомъ иноземныхъ гувернеровъ, затѣмъ въ московскомъ университетѣ и, наконецъ, въ извѣстной школѣ колонновожатыхъ, основанной Н. Н. Муравьевымъ. Въ этой школѣ, разсказываетъ его дочь, Нат. Ал. Огарева-Тучкова [2]), онъ сблизился со многими изъ (будущихъ) декабристовъ, особенно съ Оболенскимъ и двумя Муравьевыми-Апостолами. Изъ муравьевской школы онъ вышелъ въ генеральный штабъ по квартирмейстерской части и состоялъ на службѣ до декабря 1825 г. Онъ принадлежалъ къ „сѣверному обществу“, но во время возстанія 14-го декабря находился на службѣ въ Москвѣ; онъ былъ арестованъ, отвезенъ въ Петербургъ и послѣ трехмѣсячнаго ареста освобожденъ. Тотчасъ послѣ этого онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свое родовое имѣніе Яхонтово, пензенской губерніи. Въ это время онъ былъ уже женатъ.

---

[1]) Этотъ дневникъ сохранился у его дочери, Н. А., вдовы поэта Огарева.—*Ред.*

[2]) „Изъ дальнихъ лѣтъ“ Т. Пассекъ, т. III, и „Русская Стар.“ 1890 г., октябрь.

Въ Яхонтовѣ онъ прожилъ почти безвыѣздно до самой смерти. Съ середины тридцатыхъ годовъ онъ около пятнадцати лѣтъ состоялъ инсарскимъ предводителемъ дворянства. Онъ остался вѣренъ ганнибаловой клятвѣ. Среди оставшихся послѣ него бумагъ сохранилось множество копій прошеній и отношеній къ губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ и пр., за время его предводительства: онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что званіемъ своимъ онъ пользовался преимущественно для заступничества за слабыхъ и угнетенныхъ противъ произвола становыхъ, исправниковъ и т. п., и, прежде всего, за крѣпостныхъ противъ деспотизма помѣщиковъ. Н. А. Огарева ярко изображаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ результаты этой дѣятельности: ненависть со стороны помѣщиковъ, вражду со стороны губернатора и великую популярность среди крестьянъ.

„Въ концѣ 1849 года я,—разсказываетъ она,—возвращаясь съ Огаревымъ изъ Крыма и проѣзжая по симбирской или тамбовской губерніи—не помню, разговорилась съ однимъ крестьяниномъ о рекрутскомъ наборѣ. Дѣло было осенью.

— У насъ бѣда,—отвѣчалъ онъ,—да, впрочемъ, вездѣ одно и то же; только вотъ тамъ,—и онъ указалъ по направленію къ пензенской губерніи,—и есть одинъ человѣкъ, который жалѣетъ крестьянина.

Мы взглянули другъ на друга.

— Какъ его зовутъ?—спросила я съ замираніемъ сердца.

— Тучковъ,—отвѣчалъ онъ.

Онъ служилъ народу искренно, не тщеславясь, и память о немъ сохранилась въ народѣ“.

Въ 1850 году у него въ имѣніи былъ сдѣланъ обыскъ; онъ былъ арестованъ, одновременно съ Н. П. Огаревымъ и Н. М. Сатинымъ, женатыми на его дочеряхъ, и отвезенъ въ Петербургъ; недолго продержавъ подъ арестомъ, его освободили, но запретили на два года выѣздъ изъ Петербурга. Онъ умеръ, если не ошибаемся, въ 1879 году. Что онъ до конца не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся въ его бумагахъ любопытнѣйшая записка о реформѣ рекрутскаго устава, написанная въ 1866 году. Доказавъ несостоятельность вреднаго и ненавистнаго народу очереднаго порядка по работникамъ въ нераздѣльномъ дому, и еще болѣе ненавистной жеребьевой системы, онъ предлагаетъ вернуться къ исконному, выработанному народнымъ опытомъ очередному порядку по роднымъ братьямъ. Эти очередные наборы должны, по его плану, производиться въ каждомъ обществѣ особо, такъ какъ всякое

общество владѣетъ землею особо. Установленіе очередей есть дѣло суда, составленнаго въ мірскомъ обществѣ не изъ очередныхъ семействъ, а изъ людей, не подлежащихъ рекрутской повинности; ибо такіе люди, имѣющіе по одному сыну или вовсе ихъ не имѣющіе, могутъ судить безпристрастно, тогда какъ сельскій сходъ есть безобразное скопище людей, въ которомъ сами же очередные домохозяева—судьи въ своемъ дѣлѣ, и гдѣ несправедливости совершаются очень часто, подъ вліяніемъ ли міроѣдовъ, или диктаторовъ-посредниковъ. Эта судная изба должна состоять не менѣе, какъ изъ двѣнадцати такихъ хозяевъ, не опороченныхъ притомъ ни судомъ, ни общественнымъ мнѣніемъ сосѣднихъ деревень; если же недостанетъ этого числа, то добавлять изъ ближайшаго села по жеребью. Еслибы введено было такое устройство,—говоритъ онъ въ заключеніе своей записки,—„тогда бы по истинѣ сельское населеніе само распоряжалось назначеніемъ очередныхъ рекрутъ, и распоряжалось безпристрастно, разумно и самостоятельно“.

Лѣтомъ 1818 года, восемнадцатилѣтнимъ юношей, „свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части господинъ прапорщикъ Тучковъ 1-й“ былъ командированъ въ тульскую губернію для топографическаго и статистическаго описанія одоевскаго и бѣлевскаго уѣздовъ. Во время этой командировки юный прапорщикъ велъ подробный дневникъ, подлинникъ котораго нынѣ сохраняется у дочери его, Н. А. Огаревой. Легко понять, какимъ желаннымъ поводомъ лично ознакомиться съ положеніемъ народа должно было явиться такое порученіе для будущаго члена „сѣвернаго общества“. Дѣйствительно, онъ зорко смотрѣлъ, и дневникъ его рисуетъ такую картину крѣпостныхъ порядковъ этого времени, которая, кажется, заслуживаетъ быть сохраненной отъ забвенія; но и собственныя разсужденія автора имѣютъ свою цѣнность: онѣ рисуютъ намъ образъ мыслей будущихъ людей 14-го декабря, являясь, безъ сомнѣнія, отголоскомъ бесѣдъ въ ихъ средѣ.

Все нижеслѣдующее касается одоевскаго уѣзда; дневникъ кончается такими словами: „Августа 6-го. Рекогносцированіе бѣлевскаго уѣзда не представляетъ ничего особеннаго“.

„Обѣдалъ, — записываетъ Тучковъ въ своемъ дневникѣ, — 1-го іюля, въ д. Бутырки—помѣщикъ генералъ П. А. Р. Тамъ

земли (сѢрой) по одной десятинѣ на тягло, и помѣщикъ изъ милосердія ли, или оттого, что въ этихъ мѣстахъ земля дурна, положилъ ихъ на оброкъ и беретъ только 60 рублей съ тягла. Сами крестьяне говорятъ, что имъ еще хорошо въ сравненіи съ тѣми, которые на пашнѣ, несмотря на то, что и они кромѣ оброка возятъ въ Москву господамъ хлѣбъ, а оттуда привозятъ господамъ собакъ, которыхъ должны кормить для господской забавы. Въ селѣ Касимовѣ баринъ Н. А. Л.; у него сборъ съ крестьянъ всего съѣстного, да сверхъ того барщина братъ на брата. Иные откупаются отъ послѣдняго и за три дня въ недѣлю платятъ 35 рублей оброку съ тягла. Онъ (Л.) продалъ Ю. дѣвокъ и выдаетъ своихъ по неволѣ. Какъ Р., такъ и Л. во время неурожая заставляютъ мужиковъ ходить по міру—и продаютъ хлѣбъ свой.

„Въ Филатовѣ помѣщикъ Н. В. Р., отставной гусарскій поручикъ лѣтъ тридцати-пяти. Р. говоритъ хорошо, но, видно, не такъ дѣлаетъ, какъ говоритъ; по его словамъ, тиранія помѣщиковъ — дурное дѣло, однако же вотъ уже два мѣсяца, какъ его крестьяне работаютъ поголовно на барина, а на себя ни одного еще дня. Они въ жалкомъ состояніи и говорятъ, что онъ ихъ *допекалъ*. Р.—изъ числа мелкопомѣстныхъ. Сестра его, пожилая дѣвушка, кажется умнѣе его, хотя и еще болѣе провинціалка. Впрочемъ, и самъ онъ очень неглупъ, говоритъ только отборными словами.

„Сидоровское принадлежитъ И. Н. Х., городничему новосильскому. Крестьяне работаютъ всю недѣлю поголовно на барина, исключая четверга и пятницы,—они только два дня работаютъ на себя; что же касается до воскресенья, то они въ этотъ день работаютъ на барина, себѣ—грѣхъ.

„Воротцы двухъ разныхъ помѣщиковъ—бр. С.; у того работаютъ братъ на брата обыкновеннымъ образомъ, но другой гоняетъ крестьянъ поголовно, и они въ жалкомъ состояніи.

„Покровское принадлежитъ И. И. Г.—вотъ его хозяйство: первое—оброкъ съ тягла сорокъ рублей; сверхъ того, барщина поголовно, когда вздумаетъ; всякій крестьянинъ обязанъ дать ему барана, овцу, курицу, свиней, поросятъ, даже масла, холста и пр., и всего, что только можно вздумать. Собранный скотъ и вообще весь господскій розданъ по крестьянамъ; они обязаны его кормить, а въ случаѣ, что корова или что другое издохнетъ, то мужикъ за это долженъ заплатить, какъ тому и былъ примѣръ: за теленка взялъ онъ 60 рублей съ мужика, который его кормилъ. Къ удивленію, староста несетъ всѣ повинности

на-ряду съ прочими. Но, что̀ всего хуже, всякій крестьянинъ безъ позволенія барина не можетъ жениться, а баринъ за позволеніе беретъ съ жениха 150, 100, а иногда и 300 рублей, другими словами, баринъ продаетъ своихъ дѣвокъ своимъ же крестьянамъ; а ежели послѣдніе, по бѣдности, этого не заплатятъ, то онъ продаетъ дѣвокъ чужимъ, а двадцатилѣтній крестьянинъ считается уже въ тяглѣ, хотя бы онъ былъ и холостой. Этихъ примѣровъ было четыре: за вдову 150 рублей, за дѣвокъ: за одну—170, за другую—200 и за третью—250. Что же касается до холостыхъ тяголъ, то ихъ довольно. Я былъ у тамошняго священника и просилъ его дать мнѣ записку за его подписаніемъ, что въ Покровскомъ дѣйствительно помѣщикъ Г. такъ обходится съ крестьянами; но онъ мнѣ сказалъ, что хотя все это очень справедливо, но записки дать не можетъ, по той причинѣ, что это запрещено. Онъ человѣкъ очень неглупый и бранитъ барина; онъ мнѣ совѣтовалъ поговорить съ протопопомъ въ Одоевѣ, который, по его словамъ, можетъ приказать ему дать записку обо всемъ, и тогда съ радостью онъ это исполнитъ. Эти крестьяне принадлежали прежде Степану Ивановичу Вельяминову—имъ было тогда очень хорошо. Попадья и вообще всѣ крестьяне говорятъ, что никогда не сравняютъ они старыхъ помѣщиковъ съ молодыми; прежніе были несравненно лучше, по ихъ словамъ; никогда они такъ много не работали на господъ, какъ нынѣче; нынѣче ихъ больнѣе бьютъ, больнѣе взыскиваютъ, продаютъ порознь дѣвокъ, вдовъ, мужиковъ (напримѣръ, въ Воротцахъ у *лихого* барина купленный мужикъ въ жалкомъ состояніи; его пригнали и поставили въ рядъ съ прочими и до дого разорили, что онъ продалъ послѣднюю корову, по словамъ тамошнихъ крестьянъ). Нынѣшніе помѣщики всѣ *лихи*, а въ прежнее время это если и бывало, то весьма рѣдко. А если и есть молодые хорошіе помѣщики, то они *не стоятъ* (умираютъ), напримѣръ Алексѣй Ивановичъ Ляпуповъ. Гдѣ же просвѣщеніе дворянъ? Вообще можно сказать, что здѣсь народъ угнетенъ до чрезвычайности; казенныхъ крестьянъ мало—все помѣщичьи, а изъ нихъ ни одного нѣтъ изрядпаго; если не сами, то приказчики разоряютъ въ конецъ.

„Въ Ивановскомъ гоняютъ на работу поголовно, въ иную недѣлю дадутъ крестьянамъ 1 день на себя, много 2 дня, а часто и ни одного дня. Воскресенье не работаютъ. Я спрашивалъ, когда же крестьяне убираютъ свой хлѣбъ—мнѣ отвѣчали: на это есть ночь. Съ нихъ идетъ также сборъ всего съѣстного по обыкновенію здѣшнихъ помѣщиковъ; однакоже крестьяне не

въ самомъ дурномъ состояніи—можетъ быть, отъ того, что помѣщикъ ихъ умеръ, а они въ опекѣ, по тяжебному дѣлу, и хотя на прежнемъ положеніи, но вѣроятно, что на нихъ не такъ строго взыскиваютъ. Здѣсь народъ веселѣе.

„На дорогѣ встрѣтили мы одного изъ здѣшнихъ помѣщиковъ—у него 5 душъ, и онъ шелъ осматривать труды своихъ рабовъ. Нельзя было повѣрить, чтобы этотъ человѣкъ былъ помѣщикомъ: бѣлье, шлафрокъ, зеленая фуражка съ краснымъ ободочкомъ, бѣлые чулки, мужичьи сапоги—вотъ весь его нарядъ, грудь нараспашку и съ палкою, и небритою сѣдою бородой. Хорошо, что извозчикъ сказалъ мнѣ, что и это баринъ, а зовутъ его Аѳанасій Степановичъ. Баринъ остановился, снялъ шапку и спросилъ меня: много ли было на ярмонкѣ?—Не знаю,—отвѣчалъ я.—Да вѣдь вы вѣрно съ ярмонки?—Совсѣмъ нѣтъ.—Такъ откуда вы?—Я ѣзжу по уѣзду.—Вотъ весь нашъ разговоръ, а слѣдствіе его было то, что стали говорить обо мнѣ: онъ-де ѣздитъ по всѣмъ деревнямъ разставлять кабаки.

„Нѣмцово—однодворческая деревня. Однодворцы живутъ несравненно чище, богаче; они имѣютъ своихъ крестьянъ и поступаютъ съ ними *варварски*. Правда, что они не бьютъ ихъ, но заставляютъ работать очень много, и что̀ хуже всего дѣлятъ ихъ безчеловѣчно: одному достался дѣдъ, другому—сынъ, третьему—внукъ. Продаютъ и покупаютъ ихъ по одиночкѣ.

„Лѣска—разныхъ помѣщиковъ. Тамъ, какъ и во всей здѣшней сторонѣ, не знаютъ работать братъ на брата—все поголовно; здѣсь вообще по воскресеньямъ работаютъ на помѣщиковъ: поутру къ обѣднѣ, и то не всегда и не у всякаго помѣщика, а послѣ обѣда у *всѣхъ* на барщину. Что же касается до самихъ помѣщиковъ, то я не знаю, съ чѣмъ можно ихъ сравнить—вотъ ихъ образъ жизни: встаютъ рано, пойдутъ осмотрѣть работу крестьянина, сѣкутъ, ежели покажется дурною, потомъ пьютъ травникъ и сивуху, не знаю только, въ какое время: я видался съ иными поутру рано, съ другими поздно, съ иными въ полдень, и вездѣ заставалъ если не водку (ибо это дорого), то сивуху или травникъ. Изъ числа этихъ праздношатающихся разбойниковъ и пьяницъ не исключаются и женщины; безъ со мнѣнія, послѣднихъ гораздо меньше. Однако вотъ имена всѣхъ негодяевъ одоевскаго уѣзда: пьяницы А. М. Ж., три брата К., Н. Д. А. съ братомъ (у послѣдняго я былъ, онъ мнѣ предлагалъ травнику, живетъ въ бѣлой избѣ, молодъ, я думаю—лѣтъ двадцати, въ усахъ и съ маленькой бородою; можетъ быть, не

брѣется за неимѣніемъ бритвы); изъ женщинъ: покойная жена И. П. В. (сивуху) и барыня въ Лѣскахъ нынѣ здравствующая.

„Въ Желѣзенцахъ баринъ старикъ князь Г.—въ двѣ недѣли 1 день мужикамъ, да сверхъ того сборъ всего съѣстного. Онъ *донялъ крестьянъ боемъ*, по словамъ ихъ,—по 500 палокъ за одинъ разъ, или, лучше сказать, бьетъ до упаду, сѣчетъ кнутомъ, когда очень осердится, и бьетъ изъ своихъ рукъ палкой по головѣ. Много отъ него померло.—Самодержавное правленіе русскихъ помѣщиковъ не можетъ быть одинаково, ибо основано на волѣ помѣщика, а такъ какъ они всѣ разныхъ свойствъ, то и не могутъ управлять рабами своими одинаково. Можно сказать утвердительно, что даже въ одномъ селеніи *разныхъ господъ* есть разность въ характерѣ крестьянъ. Уныніе и неудовольствіе —печать рабства—составляютъ главнѣйшую черту характера русскихъ крестьянъ, но въ иныхъ мѣстахъ они услужливѣе, въ другихъ—боязливѣе, и тамъ, гдѣ помѣщики обходятся съ ними лучше, они не такъ снисходительны, но все такъ же недовольны своею участью; ибо тамъ, гдѣ человѣкъ менѣе угнетенъ, онъ болѣе можетъ размышлять о себѣ и, слѣдовательно, не можетъ быть доволенъ своею участью.

„Не всегда проклинаютъ крестьяне помѣщиковъ; много терпятъ они и отъ приказчиковъ, особливо отъ нѣмцевъ; эти варвары поступаютъ съ ними безчеловѣчно—бьютъ палками и сѣкутъ кнутомъ безъ пощады. Въ Лѣскахъ г-жи Р. приказчикъ-нѣмецъ, года три или четыре тому назадъ, осмотрѣвши господскую пашню, приказалъ сѣчь мужиковъ за то, что будто бы они дурно пахали; онъ сѣкъ немилосердно въ два кнута, тутъ же на полѣ. Мужиковъ было много, и такъ какъ иные стали отъ него бѣгать, то онъ приказалъ догнать ихъ на лошадяхъ, и, закинувъ имъ петлю на шею, тащить такимъ образомъ до мѣста казни; двухъ крестьянъ онъ было-удавилъ до смерти; прочіе это видѣли и сказали: „намъ этого не миновать, а хуже этого съ нами никогда не будетъ—долго ли же терпѣть?“ Они бросились на хромого нѣмца и, безъ сомнѣнія, убили бы его, еслибы онъ не ускакалъ отъ нихъ въ телѣгѣ. Мужики гнались за нимъ 15 верстъ, но онъ ушелъ отъ нихъ къ другому приказчику, который его спряталъ; дѣло кончилось, а приказчикъ сталъ гораздо смирнѣе. Я замѣтилъ, что крестьяне еще болѣе ненавидятъ дурного приказчика, чѣмъ дурного помѣщика. Можетъ быть, это отъ того, что они менѣе видятъ разности между приказчикомъ и собою, нежели между господиномъ и собою. Наружность дѣлаетъ большое вліяніе на человѣка, а приказчиковъ

много съ бородами, и отъ этого крестьянинъ скорѣе можетъ видѣть, что приказчикъ, такой же человѣкъ, какъ и онъ. Однодворцы имѣютъ крестьянъ; они, кажется, обходятся съ ними если и не хорошо, то по крайней мѣрѣ ничего не дѣлаютъ противъ закона. Однодворецъ такъ же и ѣстъ, такъ же одѣвается, такъ же работаетъ и сверхъ того совершенно тѣ же несетъ повинности государственныя, какъ и его крестьянинъ. Но послѣдніе въ ужасномъ положеніи, ибо не постигаютъ, почему не только совершенно такой же человѣкъ, какъ они, но человѣкъ платящій одну повинность съ ними, слѣдовательно не болѣе ихъ значащій въ обществѣ, имѣетъ такую страшную власть: продаетъ сына одному, отца другому, внука третьему. „Вотъ, баринъ,—говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ,—отецъ мой всю свою жизнь работалъ однодворцу; пока были силы—его кормили; состарился—согнали, двухъ братьевъ моихъ распродали, а имѣніе наше все забрали. Я оставался одинъ съ моимъ сыномъ вотъ у этой барыни—и послѣдняго отняли и продали. Мнѣ осталось одно утѣшеніе: придетъ сюда отецъ мой, по міру скитающійся, мы можемъ только вмѣстѣ плакать“. Но господскіе крестьяне думаютъ, что служить однодворцу лучше, ибо видятъ, что иногда однодворецъ вмѣстѣ съ ними обѣдаетъ и совершенно имъ равенъ (при томъ однодворцы никогда такъ не бьютъ своихъ крестьянъ, какъ помѣщики; ежели это и бываетъ, то весьма рѣдко). Но они ошибаются, ибо рабъ, который не видитъ разницы между своимъ властелиномъ и собою, отъ наружности ли, отъ обхожденія ли, отъ просвѣщенія ли, не можетъ сносить иго терпѣливо. И потому крестьяне однодворцевъ—въ худшемъ положеніи, нежели господскіе, хотя впрочемъ перваго несравненно менѣе бьютъ; онъ же не имѣетъ и приказчика.

„Мнѣ разсказывалъ крестьянинъ князя Г., помѣщика деревни Желѣзенцы, довольно ужасный поступокъ барина: онъ захотѣлъ отпять дочь у отца и взять ее къ себѣ (а нравственность крестьянъ лучше нравственности помѣщиковъ); слезы отца и матери не могли спасти дочери. Но вотъ еще примѣръ,—не знаю, который ужаснѣе. Г. хотѣлъ имѣть жену своего столяра, который, не имѣя правъ человѣческихъ, безъ сомнѣнія, не станетъ защищать священнѣйшаго изъ нихъ: такъ думалъ баринъ. Но онъ ошибся. Столяръ-рабъ умолялъ барина оставить жену его; но когда увидѣлъ, что это не помогало, тогда столяръ сдѣлался уже не рабомъ, ибо требовалъ этого настоятельно. Какое же было слѣдствіе сего благороднѣйшаго поступка? Рабъ былъ высѣченъ кнутомъ жесточайшимъ образомъ и сосланъ въ деревню

за 500 верстъ. Теперь спрашиваю: кнутъ въ рукахъ помѣщика для претерпѣвающаго это мученье (ибо это не есть наказаніе) —не все ли равно, что кнутъ въ рукахъ правительства, а ссылка за 500 верстъ—не та же ли Сибирь для человѣка, преданнаго своему семейству, для раба, готоваго защищать права человѣческія, которыхъ онъ не имѣетъ? Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что помѣщикъ не въ правѣ былъ это сдѣлать; но гдѣ же искать суда? Нынѣче крестьяне объ этомъ и не думаютъ; они говорятъ: „одна надежда на Бога", а иные: „на Бога уповай, а самъ не оплошай". Впрочемъ, вотъ извѣстное право всякаго человѣка, который имѣетъ въ судѣ тяжебныя дѣла: онъ можетъ подать даже подозрѣніе на члена суда. Теперь посмотрите на помѣщиковъ и крестьянъ; не только этого права,—ихъ и судить не станутъ (и такъ крестьянинъ лишается первѣйшаго права человѣческаго), но сдѣлаютъ слѣдствіе, ибо рабъ не требуетъ правосудія, а *доноситъ рабски* о неспосномъ обхожденіи своего господина. Потомъ баринъ бываетъ всегда почти правъ, не столько отъ законовъ, сколько отъ самихъ крестьянъ, которые, зная, что не-баринъ навѣрное будетъ наказанъ и что всего чаще ихъ опять отдаютъ тому же господину, страшатся сказать на господина *все*, ибо чѣмъ болѣе они обвинятъ барина, тѣмъ ужаснѣе будетъ ихъ положеніе въ случаѣ неудачи. Итакъ, изъ этого слѣдуетъ, что раба съ господиномъ судить нельзя; а такъ какъ и рабъ, и господинъ—равные люди, Богомъ созданные, слѣдовательно равно требующіе правосудія, то ни раба, ни господина быть не должно. Я чрезъ это не хочу сказать, чтобы люди были всѣ равны. Это невозможно, ибо люди созданы съ разными душевными качествами; всегда будутъ отличнѣйшіе достойны уваженія и возьмутъ первенство передъ прочими; но, возвышаясь заслугами, пускай забудутъ они быть *властелинами* и имѣть *рабовъ*, ибо это противно закону Божію.

„Мнѣ сказывалъ крестьянинъ малолѣтнихъ Б., села Стоянова, какъ заставляютъ работать 70-лѣтняго отца его. Съ 13-ти до 70-ти лѣтъ работаетъ онъ на господъ, и, работая 57 лѣтъ, ничего не выслужилъ. Ежели же его кормятъ, то, по словамъ крестьянина, этого мало, потому что кормятъ и скотину, которая служитъ.—Послѣ этого какъ намъ не желать свободы! Старикъ, какъ жизнь его ни тяжела, желалъ бы дожить до *того* времени, чтобы, по словамъ его, „хоть умереть весело",—а сынъ сказалъ мнѣ, что для такого торжества какъ не выпить; впрочемъ *радоваться* много нечему.

„Въ Есенкахъ написалъ къ одоевскому исправнику г. Бори-

сову на приказчика Булатова, помѣщика Л. И помѣщикъ, и приказчикъ—*славные люди*. Они разоряютъ крестьянъ до чрезвычайности и бьютъ немилосердно; во все лѣто даютъ имъ 3 дня работать на себя, отрѣзали у нихъ лучшую землю. Перевели у крестьянъ свиней, а между тѣмъ собираютъ съ нихъ свинину, которую крестьяне должны покупать. Работая вѣчно на барина, не зная ни отдыха, ни церкви по воскресеньямъ, эти несчастные находятся въ жалкомъ состояніи. Если кто изъ нихъ осмѣлился попросить господскаго хлѣба по неурожаю прошедшаго года, то баринъ даетъ имъ понемногу, только прежде крестьянина сѣкутъ ужаснымъ образомъ. По міру ходить не позволяютъ, работать на себя не даютъ, а сбираютъ съ крестьянъ все съѣстное, что только вздумать можно. Они до того довели крестьянъ, что послѣдніе въ голосъ кричали мнѣ: „Уйми хоть ты его (приказчика), баринъ! Онъ, разбойникъ, бьетъ насъ безъ милости, разоряетъ въ конецъ“.—Вотъ слѣды беззаконной помѣщичьей власти. Никогда не истребятся злые властелины, ибо ихъ и много, и бо́льшая часть въ ужаснѣйшемъ невѣжествѣ: они любятъ имѣть рабовъ, ибо они сами рабы, но не ищутъ своей собственной свободы, а довольствуются тѣмъ, что могутъ угнетать другихъ.

„Въ заключеніе рекогносцированія одоевскаго уѣзда смѣло можно сказать, что напрасно думаютъ о русскихъ крестьянахъ, что они варвары безо всякаго просвѣщенія, что они преданы всѣ почти пьянству и не чувствуютъ вреда, происходящаго отъ сего пагубнаго порока; что они, получивъ однажды свободу, не въ состояніи будутъ употреблять ее ни на что полезное, и что тогда размножится число людей, преданныхъ всякимъ порокамъ, особливо же грабежъ и разбой,—и наконецъ напрасно говорятъ, что теперь—золотое время *спокойствія* или *тишины*, благодаря власти помѣщиковъ. Я удостовѣрился въ несправедливости сихъ мнѣній слѣдующими доводами, которые ясно убѣждаютъ въ противномъ. Можно ли назвать варваромъ человѣка, который бы сказалъ слѣдующее: „Господа забыли, что и мы такіе же, какъ они, люди, и обходятся съ нами какъ со скотами—продаютъ дѣтей нашихъ и насъ самихъ по одиночкѣ, разоряютъ цѣлыя семейства и цѣлыя деревни, наказываютъ безвинно и жестоко. Госпожи, забывъ стыдъ, свойственный ихъ полу, приказываютъ нѣсколькимъ мужчинамъ при своихъ глазахъ сѣчь безвинно обвиняемыхъ женщинъ. Неужели Богъ не услышитъ нашихъ молитвъ? Развѣ господа думаютъ, что они никогда не умрутъ и никогда не дадутъ отвѣта предъ Богомъ въ ихъ беззаконіяхъ? Но по смерти мы будемъ всѣ равны, и тамъ не будетъ ни господина,

ни раба. Это одна наша надежда, и еслибъ мы ее лишились, мы бы не знали, какъ и жить на свѣтѣ".

„Рабство, соединенное съ пагубнымъ пьянствомъ, безъ сомнѣнія дѣлаетъ русскаго крестьянина безпечнымъ; но всякій человѣкъ имѣетъ свои слабости, и можетъ ли крестьянинъ назваться виновнымъ въ этомъ порокѣ, когда правительство старалось и старается всячески о размноженіи сего порока, дабы разореніемъ крестьянъ обогатить себя, хотя, впрочемъ, доходъ этотъ не можетъ быть выгоденъ, ибо не отвращать отъ труда должно крестьянина, но стараться поощрять его въ занятіяхъ, полезныхъ для всего отечества. Итакъ, не будемъ обвинять крестьянъ, которые, не имѣя довольно просвѣщенія, чтобы воздержаться отъ сего порока, заслуживаютъ болѣе соболѣзнованія, нежели порицанія. Посмотрите на просвѣщенныхъ: многіе ли изъ нихъ умѣютъ повелѣвать страстями своими? Многіе ли умѣютъ укрощать страсти еще ужаснѣйшія, неизвѣстныя классу крестьянъ?

„Но не думайте, чтобы крестьяне не видѣли своего порока: они чувствуютъ его, и тѣмъ еще большаго достойны сожалѣнія. Не отъ одного крестьянина слышалъ я, что кабаки ихъ разоряютъ, что государственныя подати для нихъ еще не такъ велики, и что съ нихъ сбираютъ гораздо большій оброкъ—деньги, которыя они платятъ за вино. Итакъ, изъ этого видѣть можно, что и крестьяне имѣютъ понятія о государственныхъ повинностяхъ и государственныхъ доходахъ, слѣдовательно они не варвары, преданные одному пьянству. Но что сказать о крестьянахъ Селева, когда цѣлое селеніе предлагало деньги для того, чтобы не ставили къ нимъ кабака? Этотъ примѣръ восхитителенъ; тутъ видимъ не одного человѣка, но все селеніе, знающее силу порока и слабость силъ своихъ удержать оный: они предлагали выкупъ для избавленія села отъ разоренія, но его не приняли. И несчастные видятъ свое разореніе и не могутъ спасти себя отъ своего порока—вотъ положеніе ужасное!

„Что касается до свободы крестьянъ, то, безъ сомнѣнія, надобно стараться сперва потушить вредную страсть, вкоренившуюся, которая усиливается въ дни рабства, ослабѣетъ, но не исчезнетъ совершенно во дни свободы; ибо въ это время всякій думаетъ о себѣ и о своей будущей участи; а такъ какъ правительство распространило сей порокъ, то ему же должно принять мѣры и для его истребленія и, во-первыхъ, отказаться отъ *неправеднаго дохода*, основаннаго на разореніи людей. Тогда можно ожидать, что свобода не замедлитъ привести въ цвѣтущее состояніе сословіе людей (по словамъ одного почтеннаго человѣка), *прокорм-*

ляющее и обогащающее всю Россію, сословіе, дающее самое большое число защитниковъ отечеству, и потому сословіе достойное уваженія.

„Разбой и грабежъ теперь такъ часты, что, кажется, не будетъ времени, въ которое бы они могли быть еще ужаснѣе. Не стану разсказывать слышаннаго мною; довольно сказать, что и днемъ убиваютъ людей,—гдѣ же тишина и спокойствіе? Ночью нигдѣ почти нельзя ѣхать безопасно,—разбиваютъ почту; а между тѣмъ говорятъ, что власть помѣщиковъ удерживаетъ рабовъ отъ разбоевъ. При томъ замѣтить надобно, что во всѣхъ почти разбояхъ главные соучастники—люди крѣпостные. Въ бытность мою въ одоевскомъ уѣздѣ въ одно время найдено въ разныхъ мѣстахъ три мертвыя тѣла. Сверхъ того, одинъ удавился отъ нестерпимыхъ побоевъ бурмистра въ деревнѣ Калиповкѣ.

„Теперь обратимся къ просвѣщенію крестьянина. Многіе говорятъ, что русскій мужикъ глупъ и необразованъ. Не стану опровергать перваго, ибо нелѣпость эта слишкомъ очевидна. Что же касается до образованности его, то, сравнивая его съ иностраннымъ крестьяниномъ, говорятъ: первый живетъ въ черной избѣ, въ дыму—другой же живетъ въ бѣлой горницѣ; первый преданъ вину до чрезвычайности—другой употребляетъ его умѣренно; первый живетъ совершенно безпечно въ своемъ хозяйствѣ,—другой-же, напротивъ того, бываетъ иногда и прихотливъ“... [1])

[1]) На этомъ обрывается дневникъ поѣздки по одоевскому уѣзду; недостаетъ, повидимому, лишь немногихъ строкъ.